

Социально-психологические условия становления правового сознания современной российской молодежи

Н. В. Борисова

Введение

В 1989 г. отечественные психологи М. И. Воловикова и О. П. Николаева в рамках исследования специфики моральной и правовой социализации российского общества применили разработанный Дж. Тапп опросник (Николаева, 1992). Опросник создан для использования в условиях различных культур и предоставляет богатый материал для сравнительного анализа, так как валидизирован на выборках испытуемых из шести стран мира. Он включает в себя 15 стандартизованных вопросов, касающихся понимания личностью прав, функций законов, причин их нарушений и изменений, критериев справедливости. Анализ морально-правовых суждений осуществляется на основе теории морали Ж. Пиаже, дополненной Л. Колбергом.

Николаевой в качестве испытуемых были выбраны студенты педагогического вуза Курской области в количестве 100 человек в возрасте от 18 до 25 лет, которые в индивидуальном порядке ответили на вопросы анкеты. Полученные ответы подвергались количественному и качественному анализу.

Было выявлено, что в отличие от западных стран, где моральная и правовая социализация осуществляется через подражание принятым в обществе нормам и законам, в нашей стране наблюдалось либо «застывание» на начальной стадии морального и правового развития, когда послушание обеспечивается с помощью страха наказания, либо через высший уровень морально-правового развития — *опоры на высшие этические принципы и совесть*. В правовом сознании российских испытуемых были разделены понятие «закон» и понятие «нравственность» в отличие от испытуемых, принадлежащих к западному обществу. Законы воспринимались в качестве

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 14-18-03271.

атрибута государства, как нечто «внешнее», обладающее функциями наказания и ограничения свободы. Права личности понимались как права на различные свободы либо, как и законы, «отчуждались» как не соответствующие реальной действительности.

В 2017 г. нами было проведено исследование с применением данной методики на соответствующей возрастной выборке, которую составили студенты вузов Московской области (Борисова, 2017).

Произошли важные изменения в правовом сознании молодых россиян в период с 1989 по 2017 г. В целом исследование позволило сделать следующие выводы. В правовом сознании современных молодых людей сохраняется разделение понятия «закон» и понятия «нравственность». Законы по-прежнему воспринимаются в качестве атрибута государства, как нечто «внешнее», обладающее функциями наказания и ограничения свободы. В суждениях проявляются недоверие к законам, сомнения в их справедливости, действительности на территории Российской Федерации. Сохраняется тенденция к обретению прав на различные свободы. *Произошла утрата важной составляющей правосознания — опоры на нравственные принципы.* Снизился страх перед наказанием и авторитетом власти. Не имея иных ориентиров в морально-правовой сфере, современные молодые люди оказались в ситуации правовой дезориентации. В результате 8% лиц полностью игнорируют закон.

Человек как субъект прав

С.Л. Рубинштейн рассматривает человека как субъекта прав и обязанностей через *онтологию человеческого бытия*. Смысл жизни человека заключается в *познании бытия* и осуществлении его *незыблемых законов*. Человеческое бытие — не частность, допускающая лишь антропологическое и психологическое исследование, оно вписано в философский план общих, категориальных черт бытия. Представление о субъекте познания как чисто индивидуальном, только единичном существе для ученого — фикция. «Человек как абсолют, как „вещь в себе“, как нечто обособленное и замкнутое в себе — это не человек, не человеческое существо и, более того, это вообще не существо, это нечто несуществующее — ничто» (Рубинштейн, 2012, с. 5).

В работе, посвященной осмыслению философской системы Германа Когена, Рубинштейн отмечает, что в праве человек фигурирует не как физический организм, «врастающий всеми своими тканями

в природу и определяемый в своих проявлениях ее воздействиями» (там же, с. 166). Также в праве он фигурирует не как психологический субъект, движимый аффектами и эмоциями или же в сфере социально-экономической руководящийся своими интересами. В первую очередь как юридическое лицо человек является *субъектом прав и обязанностей*. В своих деяниях он определяется *нормами и законами*.

Через призму онтологии *закон* понимается как явление не внешней, формализованной государством и выражающей волю суверена (положительное право), но *внутренней* регламентации поведения. Рубинштейн вводит понятие *нравственное законодательство*. Полнота человеческой жизни в отношении к полноте бытия определяется через *этику*. Основная *онтологическая задача субъекта* полностью *соответствует* основной *этической задаче*. Базовое положение, которое отстаивает ученый — *этическое является законом, так как имеет в силу объективности своего содержания форму общеобязательного положения*.

Центральная проблема этики — человек. «Всем своим идейным содержанием, всей системой понятий и принципов, которые этика разворачивает, она отвечает на один вопрос, на сократовский вопрос: что такое человек?» (там же, с. 166). Этика вскрывает то идейное содержание, которое конституирует человека. *В понятии юридическо-го лица и правового деяния этика дает наиболее точную, объективно содержательную формулировку проблемы, которую для нее представляет человек в его нравственных поступках*.

Познание как открытие бытия — не только деятельность сознания, а в силу участия в нем практики — *способ существования человека по отношению к бытию*. Необходимо различать *объективное, трансцендентное, бытие и субъективно познавательное, имманентное*, — бытие не в чистом, а в осложненном привходящими обстоятельствами виде. Основное свойство бытия, сущего в мире, в котором есть человек, заключается в том, чтобы являться человеку в чувственной данности, быть данным в ощущении. Чувственная данность, первое в сущем, что открывается познанию, выступает как поверхностный, внешний план глубинных слоев сущего. «Непосредственная чувственность бытия — это факт, данность существования с едва лишь наметившейся качественной определенностью, с еще не раскрытой сущностью» (там же, с. 28). Далее включается опосредованное процессом мышления познание, но познание мышлением принципиально не исчерпывает сущего.

Проблема бытия и его познания связана с проблемой человека как *субъекта действия*. Отношение субъекта к «объективной реальности» — это не только идеальное познавательное отношение, но и практическое действие. Человек всегда находится в сфере сущего, непрерывно совершается «общение» — взаимопроникновение и сопротивление посредством действий и регуляции этих действий *сознанием*. «Существовать — это страдать и действовать, воздействовать и подвергаться воздействиям, участвовать в бесконечном процессе взаимодействия как процессе самоопределения» (там же, с. 27).

Действие, которое своим содержанием имеет *этическое содержание* общеобязательной значимости, т. е. определяется *нравственным законом*, Рубинштейн называет *деянием*. «Закон делает деяние деянием, не личность и не Я» (там же, с. 169). Ошибкой является понимание субъекта как виновника и творца своих деяний, а деяний — как проявлений или манифестаций субъекта. При таком подходе этическое содержание деяний, которое есть само этическое содержание нравственных законов, не входит в состав и построение содержания нравственного субъекта. Концепция нравственности оказывается *бессодержательно-формалистичной*, а субъект, который является источником своих деяний и для которого деяния только — манифестации уже готовой сущности, лишен этического содержания. И потому он — не *этический субъект*, а лишь некоторое *психологическое образование*.

Лишь в этических деяниях этический субъект определяется и осуществляется. И если принцип *автономии* в первую очередь определяет *отношение субъекта и закона*, то *отношение субъекта и деяния* Рубинштейн определяет через принцип *самоопределения*. Каждое деяние есть новое начало, новый источник, порождающий этический субъект. Поэтому *нравственное совершенство* есть задача, которую субъект в каждом деянии должен разрешить вновь. «Эта бесконечная задача, как само время, означает бесконечный процесс, который может быть субъективно прерван, но не может быть объективно закончен» (там же, с. 172).

Через объективность этического содержания и принцип автономии Рубинштейн раскрывает проблему *свободы*. «Я как этический субъект определяюсь в своих действиях законом, и, определяясь законом, Я свободен, потому что закон этот выражает то, что во мне я сам» (там же, с. 167). Этим свобода отличается от *субъективного произвола*. В автономии свобода утверждается, охраняясь от опас-

ности антиномизма, который, для того чтобы сохранить «свободу» субъекта, отвергает закон как нечто связывающее его. Таким образом, преодолевается восприятие свободы как свободы от чего-нибудь, которая в такой негативной формулировке понимается, прежде всего, как *свобода от закона*.

Массовая культура и становление правового сознания

Задачей общества для Рубинштейна является создание необходимых *предпосылок нравственной жизни* – таких условий, которые будут способствовать формированию человека «большого плана», с полноценным отношением к бытию, другому человеку, природе, жизни и смерти.

Современный же мир, предлагая *идеалы гламурной и успешной жизни*, формирует *общество потребления*, в котором интеллектуальное, духовно-нравственное развитие человека не является приоритетным, а система ценностей и установок основана на потреблении материальных благ.

Об этической индифферентности сформировавшегося в XX в. *массового общества* сделал выводы еще в 30-х годах XX в. Ортега-и-Гассет: «Не стоит облагораживать нынешний кризис, видя в нем борьбу двух моралей или цивилизаций, обреченной и новорожденной <...> Массовый человек попросту лишен морали <...> Но слово „попросту“, пожалуй, не годится. Все гораздо сложнее. Попросту взять и избавиться от морали невозможно. То, что грамматически обозначено как чистое отсутствие – безнравственность, – не существует в природе. Если вы не расположены подчиняться нравственным устоям, будьте любезны подчиниться иной необходимости и <...> жить наперекор им, а это уже не безнравственность, но противонравственность. Не просто отрицание, но антимораль» (Ортега-и-Гассет, 2017, с. 217).

Основополагающим понятием современности, заявляет отечественный композитор, писатель В. И. Мартынов, является имидж. «Имидж – это и есть абсолютная поверхность <...> не имеющая никакого внутреннего содержания <...> смысла, ибо имидж и смысл есть взаимоисключающие понятия <...> Мы живем в мире имиджмейкеров, где уже нет места ни поэтам, ни художникам, ни композиторам, стремящимся передать внутренний смысл и создающих произведения, наполненные великим содержанием. Великое явля-

ется реальностью человека переживающего, в то время как для человека манипулирующего все это превращается просто в фикцию» (Мартынов, 2017, с. 277).

Дефицит смыслов – диагноз современной цивилизации, потерявшей целостное чувство жизни, способность *переживать* бытие как Единство. Без этой способности культура, наука, правовая жизнь бесплодны. Поглощение человека предметным миром, возможно, никогда прежде не имело такого тотального характера. Для «человека манипулирующего» или «человека потребляющего» познание бытия ограничивается чувственным, внешним, поверхностным восприятием предметов и явлений.

Нравственно-этические характеристики советского общества конца 80-х годов XX в. могут быть получены в результате проведения специального исследования, можно прогнозировать их неоднозначность в сложнейший период жизни страны, называемый «перестройкой». Но обратим внимание только на одну яркую фигуру – кумира миллионов молодых людей тех лет. «Как для нынешнего поколения знаковым устройством является компьютер, для моего таким предметом был магнитофон. Мы все воспитывались на магнитофонной культуре. Сперва это были западные коллективы, потом в середине 80-х, пришел черед подпольных групп русского рока» (Калгин, 2017, с. 123). Зародившись в СССР во второй половине XX в., русский рок, пережив запреты и нахождение на нелегальном положении, нашел дорогу к широким массам. Феноменального успеха достигла рок-группа «Кино» во главе с В. Цоем.

Поэзия Цоя – «удивительное сочетание романтики, силы, грусти, иронии, благородства, веры в человека» (там же, с. 467). Она обращена не столько к внешней стороне бытия (обществу, социальному поведению людей), сколько к стороне внутренней, сокрытой – бытию духа, души» (Орм, 2012). Лидер музыкальной группы «Несчастный случай» А. А. Кортнев феномен «Кино» объясняет следующим образом: «Понимание, что такое „Кино“ как явление, пришло потом. Как это часто бывает с великой музыкой – а точнее, с великой поэзией в случае Цоя. Потому что я считаю, что <...> Цой, в первую очередь, – это поэт, причем поэт фантастический по точности, по попаданию в дух времени» (Кортнев, 2013). По мнению журналиста Е. Ю. Додолева, впечатляющий образ Цоя, при очевидном размахе почитания, по-прежнему не оценен современниками: «Дело здесь не в сочетании звуков и глаголов, а в том самом Послании, которое

не представляется возможным разложить по аккуратным полочкам псевдомузыкальной аналитики и которые можно снимать лишь рецептором чувства сопричастности Вечному» (Додолев, 2015, с. 88).

В творчестве Цоя мы находим *архетипы русского коллективно-го бессознательного*. Песни «Кино» – живое подтверждение того, что «русская традиция – это не расписные рубахи, в которых уже давно не ходят, а свойство души» (Калгин, 2017, с. 229). Возможно, этим и объясняется народная любовь к ним. В текстах, образах и сюжетах, созданных поэтом и музыкантом, представлены смыслообразующие темы русской национальной культуры: русская тоска о Небесном как духовном совершенстве, идеале: «А мне приснилось – миром правит любовь» (там же, с. 132); ожидание прихода этого идеала как Вечной весны: «И умрет апрель, и родится вновь, и придет уже навсегда» (там же, с. 183); живое чувство противостояния земного небесному: «Где бы ты ни был, что б ты ни делал, между землей и небом война» (там же, с. 232); желание жить по духовно верным законам: «Судьбою больше любим, кто живет по законам другим» (там же, с. 161); желание преобразовывать мир вокруг себя, решимость и бесстрашие в служении добру: «Хочешь ли ты изменить этот мир <...> Встать и выйти из ряда вон, сесть на электрический стул или трон?» (там же, с. 222).

Преемственность в правовой сфере

Правосознание является составляющей менталитета общества и выражает специфику его исторических традиций: традиционный характер народа, ценностные предпочтения, тип государственности, особенности законодательства и др. (Абульханова, Славская, 2016). В. В. Сорокин (2001) указывает, что уважительное отношение к праву может выработаться только тогда, когда оно становится частью традиции и в течение длительного времени функционирует в относительно неизменном виде. А потому успешная трансформация переходных обществ возможна лишь при реализации программы реформ, учитывающей специфику национального менталитета. Именно этого не хватает переходным правовым системам, которые пытаются решать задачи коренных преобразований посредством разрушения, а не постепенного совершенствования правовых институтов. Существенное изменение мировоззренческих ориентаций, смена правовых ценностей в условиях предшествующего долговременно-

го их насаждения в обществе вызывает колоссальный социальный шок. При этом разрушаются не только отжившие реликты правосознания, но и привычные *духовные ориентиры*, потеря которых не менее опасна, чем дезорганизация правореализующей деятельности.

Негативное влияние разрушения нравственных и правовых ценностей на формирование морально-правовой сферы современной молодежи подтверждает выявленная в исследовании в 2017 г. утрата системообразующей (и в онтологическом смысле, и в плане особенностей российского менталитета) составляющей правосознания — опоры на нравственные принципы.

Заключение

Наиболее точную, объективно содержательную формулировку проблемы, которую представляет человек в его нравственных поступках, дает этика в понятии юридического лица и правового деяния. Как юридическое лицо человек является *субъектом прав и обязанностей*. В своих деяниях он определяется *нормами и законами*. Полнота человеческой жизни в отношении к полноте бытия определяется через следование *нравственному закону*, который в силу объективности своего содержания имеет форму общеобязательного положения и обеспечивает внутреннюю регламентацию поведения.

Основной задачей общества является создание предпосылок нравственной жизни — таких условий, которые будут способствовать формированию этического субъекта с полноценным отношением к бытию, другому человеку, природе, жизни и смерти. Современное «общество потребления», для которого познание бытия ограничивается чувственным, внешним, поверхностным восприятием предметов и явлений, характеризуется дефицитом смыслов, потерей целостного чувства жизни, способности переживать бытие как Единство. В подобных условиях правовая жизнь субъекта подвергается серьезной опасности.

Литература

Абульханова К. А., Славская А. Н. Менталитет и правовое сознание российской личности // *Историогенез и современное состояние российского менталитета*. Вып. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 125–170.

- Борисова Н. В.* Особенности правового сознания современной российской молодежи // Вестник Университета Российской академии образования. 2017. №4. С. 35–42.
- Додолев Е.* Последний герой // Story. 2015. №9 (84). С. 77–88.
- Калгин В. Н.* Виктор Цой. Последний герой современного мифа. М.: РИПОЛ классик, 2016.
- Кортнев А. А.* Как я пришел к Цою // Русский пионер. URL: <http://ruspioneer.ru/honest/m/single/3663> (дата обращения: 28.11.2017).
- Мартынов В. И.* Зона opus posth, или Рождение новой реальности. М.: Классика-XXI, 2017.
- Николаева О. П.* Морально-правовые суждения и проблема развития морального сознания в разных культурах: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1992.
- Орм А.* «Песня песней» Виктора Цоя. Духовное измерение его поэзии. URL: <http://perehodjournal.ru/leto-2012/andrey-orm-pesn-pesney-viktora-tsoya-duchovnoe-izmerenie-ego-poezii> (дата обращения: 28.11.2017).
- Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М.: АСТ, 2017.
- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир. СПб.: Питер, 2012.
- Сорокин В. В.* Правосознание в переходный период общественного развития // Журнал российского права. 2001. № 10. С. 59–70.